

Гончаренко С.Н.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг. В ЭКСПОЗИЦИЯХ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Гончаренко, София Николаевна — магистр музеологии, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, sofiya.goncharenko.2014@mail.ru.

Исследование посвящено сравнительному анализу репрезентации памяти о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. в музейном пространстве России и Финляндии. Изучение того, как формируются и транслируются национальные исторические нарративы через институты памяти, остается крайне актуальным в контексте дискуссий о трудном наследии XX века. Исследование выявило существенные различия в подходах к освещению конфликта. В российском музейном пространстве доминирует военно-технический и фрагментарный подход, интегрирующий войну в предвоенный контекст Великой Отечественной войны и представляющий ее как вынужденную меру безопасности. В то же время финские музеи конструируют героико-патриотический нарратив, где война вне связи со сложной панорамой международной обстановки 1930-х гг. предстает центральным событием национальной истории, сплотившим нацию перед лицом опасности.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Зимняя война, Куусинен, Маннергейм, музеи, экспозиция.

THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–1940 IN THE EXHIBITIONS OF HISTORICAL MUSEUMS OF RUSSIA AND FINLAND

Goncharenko, Sophia Nikolaevna — MA in Museology, Saint-Petersburg State University graduate, Saint-Petersburg, Russian Federation, sofiya.goncharenko.2014@mail.ru.

The paper is devoted to a comparative analysis of the representation of memory of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the museums of Russia and Finland. Exploring how national historical narratives are formed and transmitted through institutions of memory remains highly relevant in the context of a dialogue about the difficult heritage of the 20th century. The study revealed significant differences in approaches to covering the conflict. In the Russian museum space, a military-technical and fragmentary approach dominates, integrating the war into the pre-war context of the Great Patriotic War and presenting it as a necessary security measure. At the same time, Finnish museums construct a heroic-patriotic narrative, where the war, unrelated to the complex panorama of the international situation of the 1930s, appears as a central event in national history that united the nation in the face of danger.

Key words: Soviet-Finnish War, Winter War, Kuusinen, Mannerheim, museums, exposition.

В последние годы в историографии заметно возрос интерес к «трудному наследию», связанному прежде всего с военными конфликтами. Исследования фокусируются на том, как общество воспринимает такие события, а также какие стратегии увековечения памяти используются. Музеи, играющие ключевую роль в публичных дискуссиях, активно участвуют в конструировании коллективной памяти и национальных нарративов, создавая экспозиции на эмоционально сложные и табуированные темы.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг., известная в Финляндии как «Зимняя война», представляет собой яркий пример такого «трудного наследия». В Финляндии это событие остается центральным для национальной идентичности, тогда как в российской коммеморативной политике оно является «фигурой умолчания»¹. В России нет государственных музеев, посвященных этому конфликту, и его представление в экспозициях фрагментарно. В то же время в Финляндии существуют специализированные музеи, а тема широко освещается в национальных военно-исторических музеях.

Несмотря на обширную историографию войны, ее музейная репрезентация изучена слабо. Сравнительный анализ экспозиций России и Финляндии позволит выявить различия в интерпретации конфликта и дополнить исследования о музеефикации войны и исторической политике.

В данной статье проанализированы способы репрезентации войны в постоянных и временных экспозициях ряда значимых музеев, а также определены основные тенденции в формировании ее образа и выявлены аспекты конфликта, получающие наибольшее отражение. Источниковой базой настоящего исследования служат каталоги временных выставок, официальные сайты музеев и материалы постоянных экспозиций. Для комплексного анализа музейных экспозиций был применен метод семиотического анализа, позволяющий рассматривать музейную выставку как целостный текст, состоящий из вербальных (аннотации, этикетки, пояснительные тексты) и невербальных (экспонаты, их расположение, свет, цвет, пространственная организация) компонентов. Особое внимание уделялось тому, как формируется основной нарратив: через отбор и интерпретацию фактов, расстановку акцентов, использование определенной лексики. Отдельно анализировались приемы визуальной и эмоциональной коммуникации с посетителем: использование фотографий, личных вещей, интерактивных элементов, которые способствуют персонификации истории и усиливают эмоциональное воздействие. Также во внимание принимается пространственная организация материала, которая позволяет выявить иерархию тем. Другими словами, отмечается, что находится в центре, что на периферии экспозиции. Такой подход позволяет выявить не только явные, но и скрытые смыслы, заложенные авторами экспозиций, а также определить ключевые черты принятых подходов к репрезентации памяти о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Сравнительный анализ музейных экспозиций о Зимней войне, базирующийся на положениях сформировавшегося в XX в. научного направления *memory studies*², позволит определить доминирующие нарративы о конфликте в России и Финляндии.

В СССР война после ее завершения оказалась на периферии внимания и фактически была забыта. Сразу после конфликта советская пропаганда представляла его как вынужденную меру для безопасности Ленинграда, героизируя подвиг Красной армии и замалчивая неудачи. Существовали и закрытые военно-научные работы, но они надолго остались секретными. После Второй мировой войны упоминание конфликта не поощрялось для укрепления дружественных отношений с Финляндией³.

¹ См. *Королев К.М.* «Принимай нас, Суоми-красавица»: Память о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и конструирование «подлинной» истории войны // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 48.

² *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007; *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 17–50; *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

³ *Барышников В.Н.* Финская война. М., 2023. С. 12–16.

Перелом наступил в конце 1980-х—1990-е гг. Рассекречивание архивов и доступ к финским материалам привели к переосмыслению прошлого. Война стала рассматриваться через призму критики сталинской внешней политики и агрессии СССР. Это отразилось и в школьных учебниках, где появилось признание ответственности СССР и данные о потерях, хотя освещение оставалось фрагментарным. В 2000-е гг. в научной литературе сформировался более сбалансированный подход к освещению истории конфликта, сочетающий мотивы безопасности Ленинграда с критикой просчетов руководства. Однако в массовом сознании россиян война остается малоизвестным эпизодом, вытесненным памятью о Великой Отечественной войне. Государственная коммеморация ограничена редкими локальными инициативами, а основными хранителями памяти выступают энтузиасты и локальные музеи.

В финской историографии война превратилась в мощный символ национального единства и сопротивления. Интерес к ней остается стабильно высоким, о чем свидетельствует большое количество публикаций, особенно после 1990 г.⁴ В развитии финской историографии можно выделить несколько этапов. В 1940-е—1950-е гг. начинается формирование национального мифа о героической обороне малой страны против агрессора. Работы носили описательный характер, подчеркивая героизм финнов и неспровоцированную агрессию СССР. Можно, например, отметить такие работы, как «Сине-белая книга»⁵ МИД Финляндии, мемуары Маннергейма. В 1950-е—1960-е гг. можно заметить происходящее критическое переосмысление. Под влиянием политики «линии Паасикиви» историки начали задаваться вопросом, можно ли было избежать войны большей уступчивостью⁶. В это же время происходит сдвиг в изучении дипломатических аспектов конфликта. На период 1970-х—1980-х приходится появление фундаментальных трудов. Например, была издана четырехтомная «История Зимней войны»⁷, расширившая тематику исследований, включив в рассмотрение экономические и социальные аспекты конфликта. В этот период развития финской историографии окончательно утвердился нарратив о «невиновности» Финляндии. В 1990-е гг. и по настоящее время наблюдается методологический плюрализм. Доступ к советским архивам позволил уточнить некоторые детали. Произошел антропологический поворот. То есть, фокус сместился на микро-историю, повседневность, пропаганду и судьбы людей. Таким образом, память о Зимней войне в Финляндии является сложным феноменом национальной самоидентификации. Несмотря на эволюцию подходов, основной вывод остается неизменным. Война рассматривается как акт советской агрессии, а сопротивление Финляндии является проявлением национального единства.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. представлена в современном российском музейном пространстве фрагментарно, в основном в рамках экспозиций, посвященных более широким темам (например, предвоенному периоду или Второй мировой войне в целом). Анализ постоянных и временных выставок позволяет выявить эволюцию подходов к интерпретации этого конфликта.

Прежде всего стоит рассмотреть экспозицию Центрального музея Вооруженных Сил РФ в Москве. В зале № 8, посвященном предвоенному периоду, конфликту уделено четыре

⁴ Вихавайнен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск, 2010. С. 3.

⁵ Suomen Sinivalkoinen kirja. Helsinki, 1940.

⁶ См. работы Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo, 1949. S. 553–665; Halsti W. Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940. Helsinki, 1955.

⁷ Talvisodan historia. Osa 1–4.— Porvoo, 1977–1979.

витрины. Экспозиция построена на подлинных предметах, собранных в 1940-е гг. (трофейное оружие, обмундирование, фотографии). Война подается в контексте укрепления безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны, сохраняя советскую нарративную рамку о ее вынужденном характере. При этом делается попытка показать обе стороны конфликта через материальную культуру и пропагандистские материалы. Однако акцент смещен на военно-технические аспекты и советских военачальников, политический контекст и причины войны раскрыты поверхностно.

Тема советско-финского конфликта 1939–1940 гг. рассматривается и в Выборгском объединенном музее-заповеднике. Уникальность экспозиции, созданной в 1970 г., состоит в ее локальном характере. Основной акцент сделан на роли Выборга в событиях войны. Интересно, что раздел о войне 1939–1940 гг. расположен в зале «Выборг в годы Второй мировой войны». Сопроводительные тексты сохраняют советскую интерпретацию, подчеркивая необходимость войны для защиты Ленинграда. Экспозиция ценна подлинными предметами и фотоматериалами, но фокусируется на военных действиях, давая фрагментарное представление о конфликте.

В Выборге также находится частный Военный музей Карельского перешейка. Это единственный в России музей, полностью посвященный советско-финским войнам. Центральным элементом экспозиции музея является масштабная диорама «На той войне незначимой», сочетающая подлинные предметы и макеты, реконструирующие боевые эпизоды и быт солдат. Музей выполняет важную мемориальную функцию, делая акцент на трагедии войны. Однако в описаниях используются пропагандистские клише, например, «белофинны»⁸, а структура экспозиции и недостаток пояснительных материалов затрудняют самостоятельное восприятие.

Тематика рассматриваемого конфликта затрагивается в экспозиции Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге. В данном случае война представлена через уникальный ракурс — работу медиков. Экспозиция, сформированная на основе временных выставок, акцентирует внимание на общих для обеих сторон трудностях — лечении обморожений, эвакуации раненых в экстремальных условиях. Через медицинские инструменты, истории болезней и фотографии создается гуманитарный, внеполитический образ конфликта, подчеркивающий общность страданий и профессионального героизма.

На основе проведенного анализа постоянных экспозиций можно сделать ряд выводов. Во-первых, можно отметить доминирование военно-технической и документальной составляющих. Основное внимание уделяется демонстрации материальной культуры войны: образцам вооружения и обмундирования обеих сторон, картографическим материалам и архивным документам. Такой подход позволяет детально реконструировать хронологию боевых действий, показать техническое оснащение армий и общую динамику конфликта. Однако подобная концентрация на военно-технических аспектах приводит к существенным пробелам в представлении других важнейших составляющих войны. В тени остаются человеческие судьбы, повседневность солдатского быта, последствия конфликта для населения и его международно-политический контекст. Такой выбор экспозиционных акцентов не случаен. Он отражает традицию советской историографии, где война рассматривалась преимущественно через призму боевых операций, а также

⁸ В контексте Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. «белофинны» является термином советской пропаганды, призванным подчеркнуть освободительный характер похода Красной армии в Финляндию. См.: *Тягур М.И.* Внешний враг в советской периодике в период «Зимней войны» // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 211–213.

позволяет обойти сложные и дискуссионные вопросы о причинах, цене и морально-политических итогах конфликта. Таким образом, доминирование военно-технического нарратива, с одной стороны, предоставляет объективные свидетельства эпохи, но, с другой, сужает перспективу восприятия, оставляя за рамками экспозиции многомерность исторического события.

В-вторых, в российских экспозициях преобладает советская и постсоветская интерпретация войны как вынужденной меры и оправданной меры. Данный нарратив, унаследованный из советской историографии, представляет конфликт исключительно в контексте обеспечения безопасности северо-западных границ СССР, в первую очередь, Ленинграда. В экспозициях этот подход реализуется через акцент на предвоенных дипломатических переговорах и требованиях советской стороны, картографические материалы, демонстрирующие близость границы к крупным городам, а также через общий контекст предвоенного времени, где СССР изображается как государство, вынужденное реагировать на нестабильную международную обстановку. При этом критика действий советского руководства, анализ альтернативных вариантов развития событий или глубокое освещение международного осуждения агрессии (например, исключения СССР из Лиги Наций) остаются за рамками повествования. Такой односторонний подход, хотя и смягченный в современных трактовках по сравнению с советским периодом, продолжает воспроизводить упрощенное понимание конфликта, сводя его к геополитической необходимости и оставляя в тени его сложную политическую и моральную составляющую, что в конечном итоге препятствует формированию целостного исторического восприятия у посетителей.

В-третьих, тема остается периферийной, часто рассматриваясь как локальный конфликт перед Второй мировой войной. Ярким примером фрагментарного подхода может служить экспозиция Центрального музея Вооруженных Сил, где событиям Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. отведен лишь один комплекс в зале, посвященном предвоенному периоду. Он включает в себя витрину с образцами обмундирования и стрелкового оружия РККА и трофейными финскими образцами, карту-схему боевых действий и краткую аннотацию, акцентирующую внимание на укреплении «линии Маннергейма» и задачах по обеспечению безопасности ленинградского направления. При этом полностью отсутствует информация о международной реакции на конфликт, о внутривнутриполитической ситуации в Финляндии, о дискуссиях в советском руководстве. Аналогичная ситуация наблюдается в Военно-медицинском музее Санкт-Петербурга, где экспонаты, связанные с войной 1939–1940 гг., физически расположены в переходном пространстве между залами, посвященными Гражданской и Великой Отечественной войнам, что визуально подчеркивает ее «промежуточный» и второстепенный статус в музейной экспозиции.

Также стоит отметить, в противовес крупным федеральным музеям, локальные музеи и частные инициативы предлагают более детализированный и «очеловеченный» взгляд на конфликт. Их экспозиции часто строятся вокруг предметов, найденных поисковыми отрядами (личные вещи, письма, медальоны), что способствует персонификации истории через судьбы рядовых участников. Акцент делается на локализации повествования, то есть на детальной реконструкции боев на конкретной территории, что создает эффект сопричастности и эмоционального погружения. Таким образом, эти проекты формируют альтернативные центры памяти, усложняя общую картину репрезентации войны в России.

Также стоит обратиться к временным выставочным проектам, которые демонстрируют большую вариативность подходов к показу Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Совместный российско-финский проект «Ветераны. На что похожа война?»⁹ в Музее Анны Ахматовой (2011) предложил принципиально антивоенный и гуманистический подход. Через инсталляцию дома вымышленных ветеранов, мультимедийные средства и личные истории акцент сместился с политики на индивидуальную память и травму солдат обеих сторон. Выставка стала примером «партнерского подхода», направленного на диалог и примирение.

Интересна временная выставка, на основе которой была создана постоянная часть экспозиции, «Милосердие Зимней войны» в Военно-медицинском музее (2015). Выставка продолжила гуманитарную тенденцию, сфокусировавшись на подвиге медиков. Через истории болезней, медицинские инструменты и архивные документы был продемонстрирован компромиссный подход, искавший точки соприкосновения в общем профессиональном опыте двух армий, минуя идеологические оценки.

Наконец, можно обратиться к выставке «Куусинен против Маннергейма», проведенной в Музее политической истории России в 2025 г.¹⁰ Данный проект знаменует возврат к советской историографической традиции. Через призму противостояния двух идеологических лидеров война представлена как закономерный итог «враждебной» политики Финляндии с 1917 г. Акцент сделан на политической пропаганде, легитимности действий СССР и образах героев. Критический анализ причин войны, например, Майнильский инцидент, отсутствует. Выставка нацелена на «реабилитацию» победы СССР и опровержение тезиса о «неудачной» войне.

Таким образом, в российском музейном пространстве сформировалось несколько конкурирующих подходов к репрезентации Советско-финляндской войны. Первый подход можно охарактеризовать как официально-военный (постоянные экспозиции государственных музеев). Второй «партнерский» подход имеет компромиссный характер (временные выставки 2010-х). Наконец, также можно выделить идеологически-охранительный подход, к которому по большей части можно отнести новейшие проекты, демонстрирующие возврат к советскому нарративу.

Эволюция временных выставок служит индикатором состояния российско-финских отношений и внутренней исторической политики. Несмотря на отдельные попытки диалога, тема остается периферийной в контексте доминирующей памяти о Великой Отечественной войне.

В отличие от России, в Финляндии Зимняя война занимает центральное место в исторической памяти и в деле формирования национальной идентичности. Это находит прямое отражение в музейном пространстве, где конфликту посвящены как крупные национальные, так и локальные специализированные музеи.

Прежде всего стоит рассмотреть постоянные экспозиции музеев Финляндии.

Экспозиция Военного музея Финляндии в Хельсинки¹¹ «От автономии до Аталанты» в крепости Суоменлинна представляет Зимнюю войну как ключевое событие, сформировавшее национальную идентичность. Через подлинные предметы (оружие, обмундирование, адаптированное к зиме), трофейную советскую технику (танк Т-26), карты,

⁹ См. каталог выставки: «На что похожа война? проект «Выставка «Ветераны. На что похожа война?». Инсталляция в музее А. Ахматовой, 1 марта—8 мая 2011 года / Serlachius-museot Gustaf ja Gösta [и др.]; художники: Т. Вяятенен, Л. Белова. СПб., 2011.

¹⁰ См. каталог выставки: Куусинен против Маннергейма. К 85-летию победы СССР над Финляндией в Советско-финской войне 1939–1940 гг. СПб., 2025.

¹¹ URL: <https://sotamuseo.fi/> (дата обращения: 02.09.2025)

документы и диорамы создается комплексный образ войны. Доминируют три ключевых нарратива. Во-первых, это героическое сопротивление превосходящим силам противника, акцент на тактическом мастерстве (действия снайперов, лыжных отрядов). Во-вторых, прослеживается тема трагизма войны, что передается через демонстрацию потерь, разрушений и личных вещей солдат. Наконец, весомое место занимает нарратив национального единства, когда финское население сплотилось перед внешней угрозой. Музей делает акцент на военных действиях и опыте рядового солдата, в то время как политический контекст и предвоенные отношения отходят на второй план.

Еще один музей, экспозиция которого поднимает тему Зимней войны, Музей Маннергейма в Хельсинки¹². Мемориальный музей предлагает персонализированный подход к истории через призму личности главнокомандующего. Экспозиция в его бывшей резиденции создает эффект погружения за счет аутентичной обстановки. Ключевые экспонаты экспозиции — парадный мундир Маннергейма с наградами, карты с его пометками, фронтовые фотографии, личные вещи. Этот подход персонализирует историю, делая ее более доступной, но одновременно рискует упростить сложные исторические процессы. Музей служит важным центром памяти, но не ставит целью всесторонний анализ конфликта.

Можно выделить общие черты финских экспозиций. Прежде всего, это контрастное представление сторон. Визуальное противопоставление «скромного» финского снаряжения и мощи советской армии подчеркивает нарратив «маленькой страны против большой империи». Также можно заметить значительный акцент на «обычном солдате». Персонафикация через личные истории, в отличие от более обезличенного показа советской стороны. К тому же, важно упомянуть культ национальных героев, прослеживающийся в финских экспозициях. Такие исторические фигуры, как Карл Маннергейм, становятся символами стойкости и патриотизма. Наконец, можно также отметить избирательность постоянных экспозиций финских музеев. Политические причины войны и международный контекст часто остаются в тени, доминирует нарратив о «неспровоцированной агрессии» и героической обороне.

В Финляндии также находится сравнительно большое количество специализированных музеев на местах сражений.

Музей Зимней войны в Кухмо (Kuhmon Talvisotamuseo)¹³ расположен на месте ожесточенных боев, что усиливает его мемориальную функцию. Экспозиция сочетает традиционные и современные методы (диорамы, интерактивные элементы). Акцент сделан на таких аспектах, как локальная история региона Кайнуу и героизм его защитников; повседневность войны (реконструкции блиндажей, снаряжение); судьба гражданского населения (эвакуация, письма, дневники). Образ войны героико-трагический, полностью соответствующий общенациональному нарративу. Советские солдаты представлены без демонизации, но прежде всего как безликая сила, которой противостоят умелые финские бойцы.

Музей Коллаа и Симо Хяюхя (Kollaa ja Simo Häyhä—museo)¹⁴ является уникальным примером соединения памяти о месте (оборона рубежа на р. Коллаа) и личности участника сражений. Фигура Симо Хяюхя представлена через призму «народного героя» — скромного, стойкого финского солдата. Культ снайперов-«кукушек» подается как

¹² URL: <https://www.mannerheim-museo.fi/> (дата обращения: 02.09.2025).

¹³ URL: <https://www.kuhmo.fi/winter-war-museum/> (дата обращения: 02.09.2025).

¹⁴ URL: <https://www.kollaa-simohayha-museo.fi/en/home> (дата обращения: 02.09.2025).

ключевой элемент военной мифологии, символ изобретательности и умения использовать природу как союзника. Музей делает сложную историю доступной через персонафикацию.

Музейный комплекс Рааттеен Портти в Суомуссалми¹⁵ расположен на месте поражения советских дивизий на Раатской дороге. Акценты экспозиции музея расставлены на тактическом мастерстве финской армии; визуальном контрасте в снаряжении и условиях сторон, а также на гуманитарной составляющей войны. Также экспозиция демонстрирует более объемный образ советского солдата, представляя его не только как противника, но и как жертву.

Таким образом, финские музеи формируют целостный и эмоционально насыщенный образ Зимней войны, основанный на нескольких ключевых нарративах: героическое сопротивление, трагическая жертвенность и национальное единство.

Однако этому подходу присуща избирательность. Политические причины и предвоенный контекст конфликта остаются на периферии. К тому же, акцент смещен на успехи финской армии и неблагоприятные для СССР эпизоды. Образ советского солдата, за исключением новейших экспозиций, часто остается обезличенным. Также важно добавить, что последствия войны подаются как трагедия, а информация последующем сотрудничестве с нацистской Германией часто опускается.

Таким образом, финские музеи эффективно выполняют функцию консолидации национальной памяти, но их повествование остается в рамках сложившегося национального мифа, предлагая скорее утверждение идентичности, чем критический анализ исторического события.

По итогам проведенного анализа экспозиций можно сделать ряд выводов.

Прежде всего, анализ отечественного опыта позволяет назвать ряд черт, присущих российским постоянным экспозициям и временным выставкам, затрагивающим тему Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Во-первых, стоит отметить, что на данный момент сохраняется тенденция маргинализации данной темы в отечественном музейном пространстве, темы, значительно уступающей место событиям 1941–1945 гг. В постоянных экспозициях российских музеев тема Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. зачастую представлена в фрагментарном виде, что выражается в отсутствии глубокого анализа причин и последствий рассматриваемого конфликта. Также стоит отметить, что, несмотря на то, что чаще всего в отечественных экспозициях тематически и хронологически данная война относится к предыстории Великой Отечественной войны, в пояснительных текстах можно встретить термины и подходы из финской историографии (например, «Зимняя война» в отношении Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., «Война-продолжение» в контексте противостояния в период Великой Отечественной войны и так далее). Во-вторых, стоит упомянуть аспекты визуальной репрезентации. Основу российских экспозиций составляют документы, военная техника, детали формы, что позволяет хорошо ознакомиться с такими аспектами конфликта, как хронология боев, техническое оснащение обеих армий. Однако встречаются ограничения, выражающиеся в недостаточной презентации гуманитарного, международного аспекта. Также в малой степени встречается критический анализ действий СССР, позволяющий посредством ознакомления с экспозицией понять, по какой причине некоторые эпизоды конфликта привели к большим потерям. Стоит, однако, отметить, что в современных экспозициях могут

¹⁵ URL: <https://www.raatteenportti.fi/> (дата обращения: 02.09.2025).

наблюдаться элементы мемориального нарратива, но нейтральная или финская перспектива все еще редко встречаются в отечественном подходе. В-третьих, можно отметить различия между временными выставками и постоянными экспозициями. Временные выставочные проекты характеризуются более гибким и вариативным подходом к показу рассматриваемых событий, зачастую предлагая новые и диалогичные интерпретации. В то время как постоянные экспозиции демонстрируют более консервативный подход, при котором советско-финляндское столкновение 1939–1940 гг. представлено второстепенным и локальным конфликтом накануне Великой Отечественной войны. Наконец, отечественные музейные нарративы в некоторой степени находятся в зависимости от существующего политического контекста. Таким образом, Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в российской музейной среде остается периферийной темой, представленной в фрагментарном виде. Несмотря на использование новых подходов в некоторых временных выставочных проектах, в целом можно наблюдать доминирование упрощенного военно-патриотического нарратива и сохранение консервативных тенденций в презентации конфликта.

Каковы основные выводы относительно экспозиций на тему Зимней войны в музеях Финляндии? Во-первых, можно отметить, что в финских музеях преобладает военно-патриотический нарратив. Основное внимание в экспозициях уделяется тактическому мастерству финской армии, демонстрации контраста между скромным финским снаряжением и военной мощью противника, значительное внимание уделяется природному фактору. Вместе с тем, крайне поверхностно рассмотрены политические причины возникновения напряжения между СССР и Финляндией. Зачастую данный аспект вовсе опускается из повествования, что может способствовать восприятию Финляндии в качестве «жертвы» беспричинной агрессии СССР. Во-вторых, в финских экспозициях четко прослеживается тенденция персонификации и символизации конфликта. Война часто подается через образы национальных героев (Симо Хяюхя, Карл Маннергейм), что способствует усилению эмоционального воздействия на посетителя. Важно также упомянуть, что акцент часто смещается на личность «простого солдата» через показ фотографий военных, их личных вещей и свидетельств. В-третьих, безусловно, анализ рассмотренных экспозиций продемонстрировал, что Зимняя война в Финляндии воспринимается как одно из важнейших событий, сплотившее нацию перед лицом угрозы и подтвердившее право страны на независимость. Экспозиции подчеркивают героическое сопротивление и адаптацию к суровым зимним условиям. Вместе с тем, стоит также отметить ряд ограничений. Прежде всего, наблюдается избирательность в освещении событий. Упор делается на успешные для Финляндии эпизоды, тогда как демонстрация поражений минимизируется. К тому же, несмотря на видимое стремление к диалогическому подходу, сохраняется тенденция одностороннего восприятия конфликта. Война подается как «неспровоцированная агрессия», что выражается в отсутствии четкого и глубокого анализа предвоенных дипломатических переговоров. Также отсутствует критический взгляд на действия Финляндии до и после конфликта (например, отсутствие акцента на сотрудничестве с Германией впоследствии). Таким образом, финские музейные экспозиции показывают Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. как испытание, которое Финляндия с честью преодолела, тем самым выступая важным институтом в укреплении финской национальной идентичности. Однако в финской музейной среде наблюдается значительное ограничение, выражающееся в тенденции к мифологизации конфликта, так как экспозиционное повествование избегает сложных политических аспектов в пользу

героического нарратива. Другими словами, финские музеи продолжают сохранять память о Зимней войне на высоком уровне, но интерпретация событий вписывается в существующий национальный миф, что может препятствовать всестороннему историческому анализу.

Таким образом, можно выявить ряд различий между российским и финским подходами при освещении событий Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в музейном пространстве. Во-первых, стоит рассмотреть место конфликта в национальной памяти. В России война остается маргинальной темой, события которой находятся в тени Великой Отечественной войны. Это локальный эпизод и «подготовка» к 1941–1945 годам. В Финляндии война занимает центральное место в национальной памяти. Память о конфликте активно мемориализуется. Во-вторых, наблюдается различие в основных нарративах, раскрываемых в экспозициях. В отечественной среде повествование чаще отражает советскую традицию или нейтральный подход, без критики СССР. Война представлена как вынужденная мера для обеспечения безопасности Ленинграда. В Финляндии четко прослеживается нарратив о «маленькой стране против большой империи». Упор в экспозициях делается на тактическом и моральном превосходстве финской армии. Часто наблюдается персонификация войны через личности знаменитых участников и простых солдат. Наконец, создается образ «невиновной Финляндии», пострадавшей от «неспровоцированной» агрессии СССР, что выражается в отсутствии глубокого анализа возможных ошибок в дипломатических отношениях накануне войны.

Выявленные различия в подходах к репрезентации Советско-финляндской войны в российских и финских музеях обусловлены фундаментальной разницей в ее месте в национальной исторической памяти и политике памяти. Для Финляндии эта война стала ключевым событием, сплотившим нацию и подтверждающим независимость государства. В России же данный конфликт исторически оказался в тени не только Великой Отечественной войны, но и более широкого нарратива о Второй мировой войне. В целом, свойственные музейным экспозициям подходы демонстрируют общее ограничение, которое выражается в «избегании» неудобных тем в экспозициях музеев обеих стран.

Список литературы

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Барышников В.Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.

Вихавайнен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 17 с.

Королев К.М. «Принимай нас, Суоми-красавица»: Память о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и конструирование «подлинной» истории войны // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С.42–57.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Тягур М.И. Внешний враг в советской периодике в период «Зимней войны» // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 12. С. 210–214.

Хальбвасс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Halsti W. Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940. Helsinki, 1955.

Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo, 1949. S. 553–665.

Suomen Sinivalkoinen kirja. Helsinki, 1940.
Talvisodan historia. Osa 1–4. Porvoo, 1977–1979.

References

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 p. (In Rus.).

Baryshnikov V.N. *Finskaya voina* [The Finnish War]. Moscow: Kuchkovo pole, 2023. 448 p. (In Rus.).

Vihavainen T. *Finlyandskaya istoriografiya Zimnei voyny: leksiya* [Finnish Historiography of the Winter War: lecture]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 17 p. (In Rus.).

Korolev K.M. «Prinimai nas, Suomi-krasavitsa»: Pamyat' o Sovetsko-finlyandskoi voine 1939–1940 gg. i konstruirovaniye «podlinnoi» istorii voiny [“Greet us, beautiful Finland”: The Memory of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 and the Construction of the “True” History of the War], in *Novoe proshloe / The New Past*. 2021. № 3. P. 42–57. (In Rus.).

Nora P. *Problematika mest pamyati* [Problems of Places of Memory], in *Frantsiya—pamyat'* [France—Memory]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1999. P. 17–50. (In Rus.).

Tyagur M.I. Vneshnii vrag v sovetskoi periodike v period «Zimnei voyny» [The External Enemy in the Soviet Periodical Press during the “Winter War”], in *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*. 2016. № 12. P. 210–214. (In Rus.).

Hal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Rus.).

Halsti W. “Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940” [The Finnish War 1939–1945. Part 1. The Winter War 1939–1940]. Helsinki, 1955. (In Finnish).

Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika [The Time of the Second World War], in *Suomen historian käsikirja* [Handbook of Finnish History]. Porvoo, 1949. P. 553–665. (In Finnish).

Suomen Sinivalkoinen kirja [The Finnish Blue-White Book]. Helsinki, 1940. (In Finnish).

“Talvisodan historia. Osa 1–4” [The History of the Winter War. Parts 1–4]. Porvoo, 1977–1979. (In Finnish).